

Дрогобыч дня в. (пн) Мая 1874

Високопостенний Господине!

Дякую Вам дуже за Вашу листь, хочь весьма лаконичній.
Надеждимось за предплату „Друга“ переіслати я и п. Ван,
дровскій за переісланою поштовою. Прощмо о лавкаве на до,
сланя недоталогихъ чиселъ. Еще о одну рѣчь муту Вамъ про,
шати, а именно, щобысьте вьегда ова чила „Друга“ прима,
лами въ одной переіслатъ съ лонитъ адресовъ и то протѣ
verstante, бо, якъ чинъ въ попередніймъ листѣ будъ ся въ,
разивъ, у намон Дирекціи дивній жаады, — можеть пошти
непріятности.

Что до моихъ поезійкь, дякую Вамъ за Корисный судъ
и посылано мнѣ дѣлкій, иуъ Котрыкъ геть такъже дешо
буде отповѣдне основъ Вашого письма. Останю

съ вьегдашнымы поштеніямъ

Иванъ Франко.

Эпиграмматы и Ксенія.

- I) Ты свѣдѣшься иуъ мене, що, Кашень, Киску въ горниль,
що, мовъ той рабинъ старый на павѣстю въ книгахъ, шильнахъ;
Но мнѣ жалъ тебе, друже, що такъ жьшь легкодумно,
щось же и не дачинавъ братись до працѣ въ житю!
- II) Ду-нашмь, плакати намъ треба надъ кимбишнымы намиль станомъ,
Отъ, брате, мимено выментъто зъ хатки свѣтлѣ!
- III) Въ тьбий поезію хогемъ правила учени, Кожаный?
Дужень скорше галерѣ будъ, мнѣ Архипю телего!
- IV) Мудро ты розправляши о иштуф, словесности, — але Корова,
що богато рочить, мало дає молока.
- V) Дружкѣ похилки ты збираши ся поправляти,
Друже, попередъ свои влани блуды поправъ!
- VI) Все шворить: едрности и угрозы Душманъ треба!
Але голутьбо салъ такъо нездудливый гя?
- VII) Тихо, трудѣши, побали ступаймо до фаб, о брати,
Линь, що набуде намъ трудъ, своинъ те можеть назвати!

/.

1 Песни народнии
(Сонеты)

Р. 7.3.

Лягу на Кривую тиху, что изъ стѣны погнали
Впередъ стѣну слезою чистою турмань.

Все малю въ ей оубъ въ лѣсахъ мизе блыцить
И сонца муръ Купавъ въ ей сѣбѣныхъ хвляхъ.

И вѣчимъ, якъ въ ей груди бѣ пѣть, якъ въ жилахъ
Живою струй руръ миколми на Кривомъ,
Якъ тихими водами тѣсвомъ живить
Весны дѣтей, что Кривомъ тутъ ей обѣбл?

Кривую та въ живыми, гудными струями,
По духъ народа твоего, — а хогъ въ цуръ побитый,
Слова до серца серцевъ — и живыми словами.

А якъ тыхъ струй погатакъ вѣбъ въ вѣкъ закрывай,
Такъ хъ тѣлныхъ, вѣбныхъ жерель тѣ слова побитали,
щобъ наши серца жаромъ истытъ замалити. —

Душка

Роздумала надъ водою верба добий вѣтви,
Роздѣлила са рурки дѣти по широкѣ, въ вѣтѣ.

О матери забубалотъ, хъ несь наслѣбалотъ,
Своего роду отцебеского вни са вѣрекототъ.

Братя, братя, ось вась матери Душъ свѣта сжмковъ,
Вей, вернѣтса вѣб до неи! бо кто побѣтѣдаль
Матери своей, то того и Богъ са побѣтѣдаль!

Горе маму на селѣ вѣтѣ и проклятье, братя
И на тамблѣ вѣтѣ еме своей матери вѣтѣдаль!

Прокляне ихъ руска матери, а проклятье твое
Планикѣ Каменѣ упаде на ихъ серце злое.

Прокляне ихъ руска матери, — а Божѣ проклятье
На тыхъ шаде, що не хтѣли матери Кохати! —

Р. 7.4. | Моя пѣсня.

Весна воскресла и обляла
Природу морель Кривомъ,
Мовъ дотъ закѣтѣла обляла
Эта матеръ у устѣхъ мѣви.
И все ей подувъ благодатный
Мовъ въ жерель життя Купавъ

Зарѣ тѣснѣлами землю — матеръ,
Вѣтѣхъ тѣснѣлами душу вѣтѣвѣ.
И молодѣи вѣсны дѣти
Кривотѣса и вѣтѣ Кривомъ,
Душанкѣ — жапахъ, а сѣбѣни,
що и Солмона забѣтѣдѣтѣ.
Одно лишь подувъ въ землю вѣтѣво

Пром

(за лет

Мѣе вое небо,

Хнаръ туманъ

и якъ мой,

Бодаткавъ, то

горани, вѣса

но земли мо

и мѣлѣ хогъ

Богъ ей не ст

миръ тихий

Очища мои

хогъ такъ

итнѣ е подѣ

якъ вѣ, бѣм

Мизерно тѣл

Сынъ мой и

А емѣ оит

Сали дѣбѣ

По невѣнѣ,

Ваша вѣмѣ

Хомъ мизе и

не знавъ н

По вѣе жаба

А до сонца о

Некачѣвъ ду

щобъ мѣлѣ

Некачѣвъ сер

щобъ приха

Хно ми по

Хно забѣтѣвѣ

Хно мѣ одѣ

Одѣ рабѣтѣва

Си се уне тѣ

Въ души мо

А прѣтѣвѣ з

Прометей

(за Гетманом)

Мне свое небо, Земле, врывай
Хмарь туманам,
И какъ мой хлопотъ, изъ шлопки шипая,
Бодукалсь, такъ ты ся забавляй
Горамъ, облакамъ;
Но земли моей не вбери ничего
И мой хоты ты не звалишь,
Боясь и не ставишь, зъ моего порога
Миръ тихий ты не отдашь,
Очища моего жару не влещишь,
Хоть такъ ли задросотить утѣю!

Читъ и подъ солнцемъ нужденнѣйшею,
Какъ бы, боги?

Мизерно жибете изъ того, що
Сны мои и творы валь дама,
А слѣбъ оны
Сали дубы и шловерны не бѣли,
По певнобъ зъ голоду зашла
Ваша величидить и шла!

Жом еще и будзится,
Не знавъ ни де шо, ни куда,
По свои заблукане око
Я до соня обертавъ вощоко,
Ненагелъ було ухо таво,
Щобъ плачь мой було
Ненагелъ серце таво, якъ въ мене було,
Щобъ прихилитъ изъ моего слезаво!

Хто ми по ноль противъ Плиганово,
Хто забавивъ на бодъ шлы ихъ,
Хто ми бодъ смерти, бодъ Найданово,
Бодъ рабства хто на уволонивъ?
Чи се еще ты салто не справивъ
Въ души мой горючий жаре шитый?
А прещень добрый, молодой,

Податку тому и ставать,
шо такъ кадъ хмарамъ якъ шить, такъ
шавъ!

А - шить тебе?
За шо? Хита ты улекшивъ Коли
Бодъ, шл тертло серце мое?
Хита ты осушивъ слезы?
Плачуго? Шить мене
Не выковавъ на шута галь вешоурий
И бѣна шудба, владатель пошрий,
шо въ рукахъ держитъ мене и тебе?
Чи може думавъ,
шо и шитья ненавидѣни мене,
Боткавъ у шудъ, бо не вѣб
Достилли швѣты молодой?

Шу шдну и, твою шодей
Ведла образу шого;
Бодъ, шо подобный шибъ бодъ,
щобъ шлкатъ, шпраданн,
щобъ шшмилъ и шшванн
и тебе не пованнать,
и къ я!

Переложивъ Дядюшкѣ.

Дармо!

(глаголю)

Дармо вѣвданый швѣты похилыво
и шшкѣ; в весто, вернись!

Дармо шлодкая шташка шшшш
шшшшшш: О поро шшш, вернись!

Дармо бѣшметная древо шшшшшш:
О шшшшшш, шшшшшш, вернись!

Дармо и шшшшшш шшшшшш шшшшшш:
Молодоте, о шшшш шшшш, вернись!

Дядюшкѣ.

Малое зерно. Ярв цвела,
Вно стало все, — вно зъ цвѣту встало,
Розвѣлось, — охъ, вно ярв пройшла!
Дитя белы, оно не знало,
Що жару лѣта не вдержитъ,
Вно поднималось, развивалось,
Охъ, але сонце знай памить!
Обоже, за щонь пидй цвѣтнѣть
Тѣмъ судна? Чинь горша вна
Амь берхмеленна сила и жинхъ?
О, за щонь доля ей така?
Повили, о сонце, съ рогого
Ей свого Ангела, щонь
Вна не зѣвала предъ порою,
Ей силы, сонце, покрѣти!
И роки небесной Крапль впаде
На цвѣтку, що схитилась вно,
На пѣвь замерла, на пѣвь звила,
И жовкло листе ей повисе.
И съ даромъ тмалъ небесъ вступила
Новая сила въ цвѣтку грядъ,
Во жандовъ нолѣй солодкій мила,
Щобъ цвѣтовъ въ жарь жита бернуть.
Та цвѣтка пѣрва, що вѣвадая
Ужарѣ сонца, — о, се я.
И якъ ей цвѣтки, такъ цвѣта
И жинь моя й душа моя.
Валѣхалась доля, — серце стало,
Проклинулось, — а щастя нѣ!
Чи вно зорѣло, чи пропало
Посередъ хвилъ на мораднѣ?
Обоже, Обоже, чомъ не стало,
Акъ я помилѣть? Чинь я цвѣть
Промилѣ за того? О, нѣ, мало,
Тѣмъ мало тра було за щастя лѣт!
Мовъ сонъ блаженный, — вѣ пропало,
Оставсь я — цвѣть, — въ жита жлѣт,
Духовъ холодного обмало
Жиньке леме въ жита белѣт!
Но дѣлка ти и слава, Обоже,

По мурра што цвѣтъ твоя!
Нещастя жадне не промотне
Мене, щобъ я нарѣкѣть на дя!
Вѣ жиньке леме тѣхъ холода Килмѣрь,
Асерце жаромъ запалѣть,
И мовъ на цвѣтку ту, Кропильну
Росы небесной ступильно.
Молодь и пѣвца мовъ рогого,
Що покрѣтитъ на въ путь жита,
И сильний въ небо, и перелетѣ
И жиньке холода и горя жарѣ!

Згадка старини.

Жомъ ще предки наши Словами
Въ тихихъ, спокойныхъ вѣлахъ жиньке
И свѣтлюю землю рѣдкую срали, (вѣли
У рождѣ братной и въ мовѣ жили,
А въ мирѣ вѣсѣ ихъ вѣтки ходились,
О, акъ щастливѣ те часъ були!
Передъ богами брата брата помилѣть,
Солодкѣ цвѣтѣ и мовъ на жель цвѣтали
И Дать бѣннѣ даромъ въ пѣщину дѣтнѣть.
Акъ бога въ хату гостя пригласили,
И рѣдкий Край побѣли надо вѣ,
За него и жель охотни Клади.
Але мильню вѣрѣя те блага, (стали
Въ славажскихъ земляхъ гунестрали
Мильню тмалъ, мирное жиньке,
Славажски дѣти и муръ перековали
На мель, — мильню цвѣтно Цариграду въ вѣ
Заблѣли, — поля орломъ пролѣтали.
Хвалмѣске море шѣпѣть ихъ вѣдѣть
Ледовѣ поля пѣвномъ дронѣть (пожить
Предъ трудѣ ихъ голосѣть, Орды морѣ,
Црѣхъ ихъ и мене й съ страдомъ ле, (житъ
Вѣ шенѣ дикѣй предъ ширѣть ихъ острѣть
Мѣта побѣтали, карѣвѣя тѣнѣть. (згадка
У царигражскихъ шолкахъ Князь жиньке
На золотѣй престолѣ судѣ судитъ
И боярѣ въ лѣтнѣхъ клѣтѣхъ порадѣ.

Желючи, сребро, золото блещити,
Свѣтлый горючий ихъ окрываетъ
И по всему ей свѣтъ слава ихъ ширитъ.
Але неровно и сей часъ потребаю,
Что сталь добуду, те сталь добуду,
Что мечь поставитъ, те и звалитъ дуду.
Негода страшна хъ некла побитая
И жаромъ запала души братовъ,
На брата брата въ руки мечь даю,
Скупая въ крови братиды души,
Сиротами землю родную завею,
Орды наведе дикки изъ степей.
А тѣ побоятъ незгодныхъ и убогихъ
Велике горе по убогую землю,
Славяне въ крови се заревоуе
Вель Край. Подданныхъ не стана князю,
Народу вондоу, порошутъ перлами
Плодныи поля, что старомъ битъ колес
Селькратныи млодолъ трудъ надгороднами.
И побоятъ поганыхъ рижий цѣтовъ,
Дубъ крѣпкий впаде зрубаемый вралами,
И чинъ уже ратуша къ мутка итѣ? —
Чужого Краю дѣти порубаютъ
Встарого дуба и меловъ бучъ лѣтъ
На те геклам, — вны порубываютъ
Менъ себѣ чалми и по цѣловъ Краю
Власти свои мута накладатъ,
И сатки лѣтъ такъ у мезакъ итрадау
Земли велика за цѣхи батъковъ
И предъ чужимъ панамъ поклѣвъ покладая.
Но чинъ надъ мего вѣтмой вѣтмой мѣтъ?
Чинъ вна вѣтмой дна се не дѣнде? — —
О, свѣтло вѣтме божественныхъ мѣтъ
Тѣмъ ии неволѣ роуѣме, пробѣ,
Свѣтлой роу и на сей мутитъ Край
И тихий Ангелъ мира ще змине
И обновитъ забытый давний рай!

Джедна мѣтъ.